

УДК 1:316

Новые солидарности

Рязанов Александр Владимирович

Доктор философских наук,
профессор кафедры социальных коммуникаций,
Поволжский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
410031, Российская Федерация, Саратов, ул. Соборная, 23/25,
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена новому типу солидарностей, которые появились в эпоху глобализации и отличающихся от существовавших прежде. В статье дается авторское понимание этих солидарностей, рассматриваются особенности их формирования, специфика связанных с ними эффектов. Отмечены их отличия от «тяжелых» солидарностей прошлого. Методология: используются анализ связанного с новыми солидарностями дискурса, исторический метод, а также общенаучные методы анализа и синтеза. Показаны условия формирования новых солидарностей, их характер, особенности функционирования в современных обществах и государствах. В силу размытости их оснований, новые солидарности представляют собой менее устойчивые образования по сравнению с прежними. В отличие от них они имеют, преимущественно, дискурсивную природу и не накладывают на связанных с ними людей тех обязательств, которые требовались применительно к старым солидарностям. Тем не менее, они используются властными структурами в своих целях, в том числе, и в деле формирования общегражданской солидарности.

Для цитирования в научных исследованиях

Рязанов А.В. Новые солидарности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 186-193.

Ключевые слова

Виды солидарности, новые солидарности современности, дискурс солидарности, условия появления и функции новых солидарностей, философия.

Введение

Солидарность давно и заслуженно привлекает к себе внимание многих исследователей (среди последних по времени исследований см.: работы Х.А. Барлыбаева). Он отмечает, тем не менее, недостаток исследований солидарности в мировой литературе, и предлагает новую дисциплину – солидарологию [Барлыбаев, 2016]. Солидарность рассматривается в рамках разных дисциплин, таких как социология, философия, юриспруденция. Это тем более удивительно, что если рассматривать социальную солидарность в целом, то ее можно полагать тем инструментом, который создает и поддерживает функционирование социальной системы на всех уровнях (от личных отношений до государственных и цивилизационных). Степень социальной солидарности является своеобразным показателем уровня благополучия в обществе [Полюшкевич, 2004, 8].

Уже в теории Огюста Конта солидарность рассматривалась как «универсальное средство всех явлений природы, достигающее апогея в обществе и выступающее в нем в форме консенсуса; при этом, помимо синхронического, она имеет и диахронический аспект, связывая между собой поколения, посредством традиции» [Гофман, 2013, 98]. То есть, можно говорить о наличии того или иного уровня солидарности в обществе (или в отдельных его стратах) в каждый отдельный момент времени. Поскольку современные общества не однородны, то солидарность связана, так или иначе, с интересами отдельных социальных групп в рамках обществ. Именно по этой причине солидарность оказывается в центре внимания при анализе архитектоники общественного устройства социумов современного вида.

Под новыми солидарностями в данном случае понимаются такие, которые приходят на смену прежним, устаревающим или уже устаревшим. Они являются теми образованиями вокруг которых формируется новое ценностное ядро, поддерживающее появление новых императивов, требующих следования определенным образцам поведения. В настоящее время человек оказывается втянутым в калейдоскоп солидарностей разного происхождения и вида, которые не представляют собой согласованного целого.

Представляется, что солидарности бывают «тяжелые» и «легкие». Под «тяжелыми» имеются в виду те, следование которым жизненно необходимо для человека, от которых ему сложно уклониться. «Легкие» предполагают меньшую зависимость от них, и позволяют совершать свой выбор. Субъект выбирает подходящую для него (возможно, самую удобную для него) в данном конкретном случае. Делать это не просто: ведь выбор одной из них часто влечет потерю других возможных вариантов. Человек будучи существом коллективным с самого рождения вынужден вступать в коалиции для лучшего выживания в своей группе и лучшего обеспечения своей деятельности. На первых этапах социального развития это происходило бессознательно, но по мере созревания человека и развития общества, роль сознательного момента при этом постепенно повышалась. В настоящее время часто можно слышать о так называемых гуманитарных технологиях. Как раз с их помощью такие солидарности и формируются.

Основная часть

Ранними формами солидарности были те, которые связанные с родством: семейная, родовая, впоследствии этническая. С одной стороны, они ощущались и понимались в большей степени интуитивно и бессознательно. С другой же, в рамках того времени, это было

настоятельной необходимостью для выживания и конкретного человека, и его коллектива. Прежние идентичности поддерживались традиционными средствами: совместным трудом, племенными обычаями, совместными коммуникациями. Они существенно облегчали обычную для данной группы совместную деятельность, совершенствовали социальные навыки и коммуникативные практики.

Новые солидарности подразумевают формирование и применение на практике нового для данной группы дискурса, благодаря которому группа конституируется как таковая. Происходит формирование нового состава активистов, действующих агентов происходящих изменений, которые перетягивают на себя инициативу их реализации на практике. Представляется, что в данном случае речь может вестись о дискурсе, являющемся абсолютно необходимым для агрегации интересов формирующейся новой группы или слоя общества.

Такой дискурс может служить своеобразным паролем-идентификатором, отличающим потенциальных или реальных членов складывающегося таким образом коллектива единомышленников или попутчиков. Его можно назвать дискурсом солидарности. Он, как правило, четко отделяет людей, ориентирующихся на групповые интересы нового формирующегося коллектива от всех остальных граждан, которые поддерживают старые дискурсы, а, значит, и солидарности.

Вышеупомянутые процессы имеют особенно выпуклое и яркое выражение в случаях быстрых, кардинальных изменений в социуме, часто они являются признаком и характеризуют революционные события: например, после 1917 года в России. Представляется, что на первом этапе классовая (пролетарская) солидарность была, скорее, лозунгом, нежели реальной практикой. Да и сам пролетариат того времени не был однородной социальной группой, часть его была вчерашними крестьянами со всеми вытекающими отсюда следствиями. Солидарность была продуктом массивированной пропаганды, как и многое в СССР. Оспаривать ее наличие, особенно в первые десятилетия советской власти было просто опасно, ее примеры поддерживались и широко тиражировались структурами советской власти. Круги реальной солидарности, вероятно, совпадали с кругами доверия, которых вряд ли было много в столь нестабильное время. Вспомним, что это был период «обострения классово-политической борьбы». Люди, ориентированные на свои традиционные коллективы: родовые, этнические, мягко говоря, не приветствовались органами власти, подвергались преследованиям и даже репрессиям. Граждане часто меняли фамилии, чтобы скрыть свое нежелательное происхождение. Вводимая и одобряемая классовая солидарность (солидарность трудящихся) противопоставлялась этнической (групповой).

Советское государство тоже формировало круг лиц, поддерживающих установившийся политический режим. Это были активисты – сторонники новой власти, часто они выступали в роли пропагандистов. Они проходили обучение в специально создаваемых учебных заведениях и зачастую становились крепкими профессионалами в своем деле. Таким образом государство создавало поддерживающее его коммуникативное пространство, втягивающих в себя многих граждан, давало им пищу для ума, в том числе, образцов желательного поведения, рисовало привлекательные перспективы в случае следования предлагаемым образцам. В итоге, российские (советские) граждане принимали правила игры, так формировалась общегосударственная солидарность, и, следует отметить, что многие граждане реально ее ощущали.

В то же время существовала, хоть и в подавленном виде этническая солидарность людей, ориентирующихся на этнические (национальные) ценности. Она получила значительное распространение во время кризиса власти в позднем СССР, когда государство перестало

выполнять свои функции, а граждане нуждались в поддержке хотя бы каких-нибудь структур. Для многих случаев можно было говорить о воссоздании структур, казалось бы, уже утративших свое значение ранее. Жизнь заставляла искать пути решения имеющихся проблем. В ситуации слабости государства именно эти воссозданные структуры обеспечили (по крайней мере, стремились к этому) защиту интересов граждан, ориентирующихся на этнические ценности.

В советский период изучения подвергалась низовая солидарность работников перед лицом структур управления, так как это было значимо с точки зрения интересов государства. Исследователь низовой солидарности на производстве А.П. Прохоров отмечал, что «солидарность подчиненных «против» начальства является одним из главных (а нередко и единственным) препятствий на пути перевода системы управления из стабильно-застойного режима функционирования в нестабильно-реформаторский» [Прохоров, 2003, 96].

В настоящее время групповая солидарность может существовать в виде этнической, а может формироваться с помощью СМК и часто является результатом сознательной работы профессионально подготовленных коммуникаторов. Приблизительно так же происходит дело с формированием корпоративной солидарности, когда выстраивается целая стратегия втягивания нового члена корпорации внутрь ее структуры, и последующая модификация системы ценностей субъекта под ценности и интересы корпорации. Последняя создает для нового сотрудника (а иногда и для членов его семьи) такие условия, которые заметно отличаются в лучшую сторону от тех, что существуют в других подобных организациях, подчас даже в одном государстве. Различные круги солидарности сосуществуют друг с другом и образуют сети, которые могут носить и реально носят неожиданный и причудливый характер, так как в основе солидарностей лежат интересы конкретных людей. Переплетение таких солидарностей, как в формальной, так и в неформальной сфере, оказывает поддержку индивидуальным и коллективным субъектам в их повседневной практической деятельности.

Следует отметить, что за последние годы «российское общество приобрело те характеристики, которыми обладают общества, живущие в условиях рыночной экономики, при этом самой экономики так и не появилось», поэтому потенциал солидарности в обществе ослаб [Попова, 2018, 245].

Новые солидарности, в отличие от прежних, формируются под конкретные цели. Это вариант «быстроиграющих» солидарностей, призванных сыграть запланированную роль в нужное время. Они не обладают долговременностью и устойчивостью. Они вполне могут себя проявить с помощью инсценировки, внешнего принятия и воспроизводства дискурса, так же они могут быть связаны с модой.

Однако солидарность призвана скреплять группу и поддерживать единство ее членов. Лишь внешнее принятие образцов поведения и внешних признаков группы не рождает солидарность в полном смысле этого слова, но может родить новую «внешнюю солидарность», про которую (при отсутствии в ней необходимости) можно и запомнить, в зависимости от окружающих обстоятельств. Отложив ее про запас, можно «вытащить» ее при подходящем для этого случае.

Новые солидарности идеально приспособлены для общества потребления. Они манипулируемы и их имеет смысл называть солидарности-инсценировки. В этом обществе все в движении, обороте и даже идентичности в нем легкие. Говоря о современности З. Бауман пишет: «идентичность кажется фиксированной и твердой лишь при беглом осмотре извне. Какой бы твердостью она не обладала, при рассмотрении изнутри, с точки зрения собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и постоянно раздираемой внешними силами, раскрывающими ее текучесть, и внешними течениями, угрожающими разорвать ее на

куски и унести любую воспринимаемую форму» [Бауман, 2008, 92]. Индивидуализированные граждане современного общества потребления часто не имеют навыков социальной самоорганизации и являются идеальным материалом для манипуляции и, в целом, для осуществления внешнего управления.

Солидарность может пониматься как эффект, к достижению которого должны стремиться управленцы всех уровней. Ее достижение должно быть критерием, благодаря которому можно судить об успешности, или конечной неуспешности их повседневной деятельности. Солидарность может измеряться в деятельной поддержке кого-либо или чего-либо, в готовности в случае необходимости оказать помощь в реализации определенной активности. Она может быть изменяемой по степени интенсивности и представляется зависимой от многих условий. Она имеет специфические внешние и внутренние характеристики. С одной стороны, она может выражаться в непосредственной деятельной поддержке определенной активности, с другой, она может не быть явно выражена внешне, но демонстрировать явное одобрение или неодобрение какого-либо поведения или деятельности.

Наконец, возможна ситуация скрытого проявления солидарности, мало заметной (или вообще незаметной) со стороны. Солидарность выражается в поддержке, но последняя может варьироваться от очевидной, деятельной, до внешне никак не проявляемой.

Она может фиксироваться тем или иным образом, но далеко не факт, что при ее ожидании она даст тот эффект, на который надеются и рассчитывают люди, занимающиеся ее формированием. Ее может и не случиться. Более того, эффект может быть прямо противоположным.

С условиями и характером вариантов естественной солидарности ситуация представляется достаточно ясной, естественный ее характер делает ее проявление в целом прозрачным. Искусственным образом формируемая солидарность представляется внешней, не укорененной, проблематичной для своего отчетливого проявления.

Прежние солидарности формировались в относительно стабильных обществах с устойчивой социальной структурой. Постоянные, устойчивые межличностные взаимосвязи в рамках коллективов были жизненно необходимы для сохранения функционирования подобных обществ. Постоянное нахождение вместе способствовало сплочению людей, стабилизировало межличностные отношения, делало также предсказуемой всю социальную систему в целом.

Ситуация современности дает совершенно иной, чем прежде, строй жизни и указывает на ее характерную черту: «непрозрачность, расплывчатость, неопределенность и нестабильность тех социальных ситуаций, в которых людям приходится действовать» [Штомпка, 2003, 598]. В ситуации прогрессирующей глобализации и ускоряющегося темпа жизни многие привычные институты начинают «вести» себя по-другому: они часто имеют тенденцию представлять собой некую оболочку, лишенную прежнего содержания. Представляется, что подобным образом можно трактовать современные «легкие» идентичности. Происходит формализация коммуникативных практик, которые приобретают игровую форму. Можно говорить о распространении в обществе играизации, которая имеет особую привлекательность для молодежи.

Солидарность «в определенной степени категория воображаемая. Нигде и никогда не существовало идеальной, завершенной солидарности, поэтому чаще всего она и оставалась лишь лозунгом и призывом» [Исаев, 2009, 4]. Если говорить о государственном интересе, то «самым неразрывным образом солидарность связана с властью: власть формирует единство и сама порождается социальным единством. Набор средств, которые применяет власть (выступая

чаще в виде государства, но не только) для создания и удержания единства огромен. Однако чаще всего преимуществом обладает именно принуждение, оформленное или неоформленное в правовые нормы» [Исаев, 2009, 4]. Достигнув господства, власть в виде государства и людей, выполняющих его волю, часто цепляется за привычные устоявшиеся формы работы с населением. Таким образом, она быстро отстает от быстротекущей жизни, не успевая приспособливаться к происходящим изменениям.

Формальные структуры власти стремятся использовать и привычные социальные практики в своих целях, но нередко стараются «присвоить» и возглавить те виды активности, которые появились в результате самостоятельности тех слоев населения, которые ими управляются и, таким образом, зависят от них. Так, в ситуации современной России, власть (в виде своих представителей) предпочитает действовать формально, просто предписывая гражданам являться и принимать участие в официально планируемых массовых мероприятиях. Таким образом, государственные структуры создают впечатление широкой народной поддержки мероприятиям, проводимым властью в своих интересах.

Практически всегда существует возможность найти зависимых от власти людей, готовых по ее первому зову прийти куда-либо и продемонстрировать нечто, необходимое с точки зрения власти. В ее арсенале находится немало средств, способных привлечь эту категорию граждан к такого рода активности.

Власть в значительной части случаев использует имеющиеся у нее возможности по манипуляции сознанием управляемых, и не останавливается перед прямым давлением на население, в случае такой необходимости. «Власть всегда стремится взять под свой контроль не только реально существующие институты, но также питающие их идеологии [Исаев, 2009, 125]». Но и идеологии в прямом смысле в настоящее время не просматриваются, никто даже не вспоминает об «общем благе». Идеология (если она и может быть вычленена) носит абсолютно инструментальный характер, и подчинена вполне конкретным целям: достижению (чаще всего формальному) определенных показателей, демонстрирующих наличие солидарности.

Понятно, что это состояние системы с трудом может быть точно измерено, но вполне возможно придумать систему показателей, с помощью которой можно при необходимости продемонстрировать ее текущее состояние.

Перед средним звеном управления, которые испытывают дефицит новых форм взаимодействия с гражданами существует большой соблазн использовать привычный им административный ресурс. В то же время ситуация с распространением современных средств массовой коммуникации не благоприятствует такой практике.

В открытых обществах сходные проблемы решаются структурами, выполняющими функцию «связей с общественностью». Проблема мобилизации сверху, формирование солидарности в большинстве случаев не требуют применения административного ресурса. Это происходит через другие каналы с помощью различного рода общественных организаций, деятельность которых, как правило, институализирована. Проблемой являются изменения в сфере трудовых отношений, которые препятствуют долговременным связям, «порождают и поощряют взаимное недоверие и соперничество [де Бовер, Кристалл, 2018, 170].

Тем не менее, постепенно в обществе распространяется дискурс, формирующий общегражданскую солидарность или способствующий ее формированию. В формировании и распространении такого дискурса, при условии близости или, в идеале, совпадения с положением дел в реальной действительности состоит одна из главных задач управленческих структур в любом современном обществе. «Ведь люди подчиняются давлению не только грубой

силы, но зачастую особенно чутко прислушиваются к «магическим» словам, при помощи которых на них можно транслировать сакральное, морально-нравственное и другие повеления, связанные с воздействием на человека воображаемых символов» [Черных, 2018, 141].

Заключение

В современных обществах осуществление манипуляции может быть затруднено, да и оно (при наличии образованного населения) и не может быть должным образом реализовано. Население большинства современных государств является неоднородным в этническом и конфессиональном отношении, кроме того, в некоторых из них существует серьезный разрыв в получаемых доходах между самыми бедными и самыми богатыми.

В силу размытости их оснований, новые солидарности представляют собой менее устойчивые образования по сравнению с прежними. В отличие от них они имеют, преимущественно, дискурсивную природу и не накладывают на связанных с ними людей тех обязательств, которые требовались от них применительно к старым солидарностям. Естественно, с помощью одних только гуманитарных технологий и привития всем гражданам дискурса власти проблему мирного сосуществования граждан решить не представляется возможным. Однако сама проблема формирования общегражданской солидарности представляется для подавляющего числа государств критически важной. Не является исключением и современная Россия.

Библиография

1. Де Бовер А., Кристалл Э. Когда обрываются связи: интервью с З. Бауманом // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 156-176.
2. Барлыбаев Х.А. Солидарология. Философия солидарности. Уфа: Китап, 2016, 360 с.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Гофман А.Б. Солидарность или правила. Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. М., 2013. С. 97-169.
5. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2009. 168 с.
6. Полошкевич О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. Иркутск, 2004. 168 с.
7. Попова И.В. Ослабление консолидационного потенциала социума как фактор системного кризиса социальной солидарности // Социальные и гуманитарные знания. 2018 Т.4. №.4. С. 142-254.
8. Прохоров А.П. Солидарность подчиненных на предприятиях при различных режимах управления // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 92-99.
9. Черных С.С. Антропология власти в контексте культуры и экзистенции. М.: Летний сад, 2018. 224 с.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

New solidarities

Aleksandr V. Ryazanov

Doctor of Philosophy,
Professor at the Department of Social Communications,
Volga Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
410031, 23/25, Sobornaya st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Aleksandr V. Ryazanov

Abstract

Solidarity is considered in various disciplines, such as sociology, philosophy, and jurisprudence. This is all the more surprising that if we consider social solidarity as a whole, then it can be considered the instrument that creates and maintains the functioning of the social system at all levels, from personal relations to state and civilizational. The degree of social solidarity is a kind of indicator of the level of well-being in society. The article is devoted to a new type of solidarities that appeared in the era of globalization and differ from those that have existed before. The article gives the authors understanding of their formation, the specifics of the effects associated with them. Their differences from the «heavy» solidarities of the past are noted. Methodology: the analysis of discourse connected with new solidarities, historical method, as well as general scientific methods of analysis and synthesis are used. Results: the conditions of formation of the solidarities, their nature, peculiarities of functioning in modern conditions are shown. Conclusion: because of the blurring of their ground, the new solidarities represent less sustainable formations compared to the former. In contrast, they are predominantly of discursive nature and do not impose on the people associated with them the obligations that have been required for old solidarities. Nevertheless, they are used by the authorities for the own purposes, including the formation of civil solidarity.

For citation

Ryazanov A.V. (2019) Novye solidarnosti [New solidarities]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (2A), pp. 186-193.

Keywords

Types of solidarity, new solidarities of modernity, the discourse of solidarity, the conditions of the emergence and functions of new solidarities, philosophy.

References

1. De Bower A., Crystal E. (2017) *Kogda obryvayutsya svyazi: interv'yu s Z. Baumanom* [When the connection is broken: an interview with Z. Bauman]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 23, 1, pp. 156-176.
2. Barlybaev Kh.A. (2016) *Solidarologiya. Filosofiya solidarnosti* [Solidarology. The philosophy of solidarity]. Ufa: Kitap Publ.
3. Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Flowing modernity]. St. Petersburg.: Piter Publ.
4. Chernykh S.S. (2018) *Antropologiya vlasti v kontekste kul'tury i ekzistentsii* [The anthropology of power in the context of culture and existence]. Moscow: Letnii sad Publ.
5. Hoffman A.B. (2012) *Solidarnost' ili pravila. Dyurkgeim ili Khaiek? O dvukh formakh sotsial'noi integratsii* [Solidarity or rules. Durkheim or Hayek? On two forms of social integration]. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik 2012* [Sociological Yearbook 2012]. Moscow.
6. Isaev I.A. (2009) *Solidarnost' kak voobrazhaemoe politiko-pravovoe sostoyanie* [Solidarity as an imaginary political and legal state]. Moscow: Prospekt Publ.
7. Polyushkevich O.A. (2004) *Sotsiokul'turnaya solidarnost' v transformiruyushchetsya obshchestve* [Socio-cultural solidarity in a transforming society]. Irkutsk.
8. Popova I.V. (2018) *Oslablenie konsolidatsionnogo potentsiala sotsiuma kak faktor sistemnogo krizisa sotsial'noi solidarnosti* [Weakening of the consolidation potential of society as a factor in the systemic crisis of social solidarity]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 4, 4, pp. 142-254.
9. Prokhorov A.P. (2003) *Solidarnost' podchinennykh na predpriyatiyakh pri razlichnykh rezhimakh upravleniya* [Solidarity of subordinates in enterprises under various management regimes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2003. S. 92-99.
10. Sztompka P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos Publ.